

30 октября — День жертв политических репрессий

На Левашовском мемориальном кладбище установлены: белорусско-литовский, русский, польский, ингерманландский, финский, итальянский, еврейский, немецкий, эстонский, норвежский, вологодский, афонский, ассирийский, украинский, латышский памятные знаки.

Левашовская пустошь — одно из крупнейших захоронений репрессированных в стране. Кладбище оставалось секретным объектом КГБ СССР до 1989 года. У входа его 15 мая 1996 г. мэр Петербурга А. А. Собчак открыл памятник «Молох тоталитаризма». Левашово — только одно из многих мест тайных захоронений жертв революции 1917 г. и сталинских репрессий в Ленинградской области.

Необозначенные массовые могилы расстрелянных за все годы советской власти есть также на Ржевском артиллерийском полигоне, у посёлков Старое Ковалёво, Бернгардовка и Токсово.

Памятники репрессированным есть во многих городах и посёлках нашей страны. Здесь лежат лучшие люди, уничтоженные без суда и следствия за долгие годы вплоть до середины 50-х годов. И никакая реабилитация не вернет к жизни истинных патриотов, талантливых деятелей искусства, военачальников, рабочих и крестьян, погибших по ложным доносам, сохраняют лишь о них память их дети и внуки. Моя семья избежала этой страшной участи. Но судьба как-то странно сопутствовала всем нам, напоминая о трагических событиях тех лет.

15 лет довелось прожить в комнате репрессированного поэта Василия Князева на улице Рубинштейна, в доме 15/17, в квартире 301, среди его вещей, с соседями, которые знали его и его семью.

И сегодня, живя во Всеволожске в старом бабушкином доме, я храню маленький дубовый старинный книжный шкаф. Он стоит в одиночестве на втором этаже, в мансарде. В нем какая-то темная энергия тоски и страха, он словно требует своего права на жизнь в память о своих погибших хозяевах. За долгие годы мы сменили несколько мест жительства и ни разу не смогли где-то оставить его. Как вещь он никому не нужен, но он почему-то должен быть с нами. А сейчас — со мной, хоть наверху, но не рядом. Я боюсь его. В темноте он оживает. Я лечу вниз, закрываю двери на крючок, включаю телевизор. Мистика какая-то...

С чего начинается для меня история этого шкафа? Перед войной мы жили в Поповке под Ленинградом. В августе 1941 г. немцы захватили Любань. Бросив всё, мама, бабушка и я сидели под платформой, ждали какого-нибудь поезда. А пришел бронепоезд, с прицепной платформой. На ней — зенитка. Солдаты втащили нас на платформу, и мы поехали в Ленинград.

Над бронепоездом кружил немецкий самолет. Наши зенитчики пытались сбить его, и только у самого города он повернул назад.

Поселились мы на Рубинштейна, в Толстовском доме, 15/17, в 301 квартире. Этот дом никакого отношения к писателям не имел — дорогой, красивый доходный дом. В домоуправлении нас прописали в комнату, где до 1937 года жила семья поэта Князева. В этой коммуналке жили еще 4 семьи. После очередной бомбежки в квартире вылетели стекла, не было ни отопления, ни канализации. Соседи собирались на большой кухне, топили всем чем придется огромную чугунную плиту. Без конца по «чёрной» лестнице бегали в бомбоубежище.

В князевской комнате стоял большой письменный стол, огромный платяной шкаф с львиными головами, кожаный диван и маленький книжный шкаф, дубовый, но крепкий, как железный — не сожжешь. Он был забит журналами с пометками поэта Князева на полях. Вскоре шкаф опустел. Удалось выломать и сжечь даже полки.

Зимой мы перебрались к бабушке на Всеволожскую. Прожили у неё до весны 1942 года и эвакуировались в Ивановскую область. Было самое начало апреля. Поверх льда выступила вода. Трещины и полыньи видны были плохо, и мы вместе с нашей полуторкой едва не ушли на дно, успев выскочить прямо в воду. Облегченная машина медленно попятилась назад. Мокрые, промерзшие до костей, мы забрались в кузов и, теряя сознание, добрались до Кобони.

Весной 1944 г., после полного снятия блокады, вернулись в Ленинград и — снова на Рубинштейна, где были прописаны еще в 1941 г. В комнате сохранился книжный шкаф и письменный стол. Окна были кое-как заделаны. И там уже жила семья — женщина и двое мальчи-

В истории нашей страны, начиная с 20-х годов, были долгие, страшные годы сталинских репрессий. Контрреволюция, шпионаж, антисоветская пропаганда, вредительство бездоказательно вменялись в вину людям разных профессий и национальностей. Нет точных данных о миллионах расстрелянных, погибших в тюрьмах и ссылках. Все они обвинялись по одной статье 58-10, ч. I УК РСФСР. В число обвиняемых включались члены семей, родители и дети.

Только в Ленинграде в 1937 — 1938 гг. было расстреляно 39488 человек. Не счесть тайных массовых захоронений по всей стране. Под Ленинградом на одном из них — в Левашовской пустоши — к 1954 г. общее количество похороненных здесь жертв сталинских репрессий достигло 45000.

Распятые тоталитарным молохом

шек. После долгих хлопот их переселили в другое место, а мы, пожив какое-то время на Всеволожской, встретив отца с фронта, вернулись в князевскую комнату и жили там очень долго. Когда получили квартиру на Петроградской, я уже была студенткой университета.

Повзрослев, я стала интересоваться поэтом Князевым, но сведений о нем нигде не было. До сих пор неизвестно, куда делась семья «врага народа» Василия Князева после его гибели в ссылке. Я же достоверно знаю, что стало с его сыном. Семья была выслана после ареста поэта на север. Жена умерла. А однажды, когда я училась еще в школе, было это в дохрущевские времена, о реабилитации еще и разговоров не было, произошло следующее. Появился у нас сын поэта Василий, худой, больной туберкулезом. Без документов, без денег, оборванный, голодный. Он просил жильцов никуда о нем не сообщать. Его накормили, приодели, дали денег кто сколько мог. Постелили на кухне. Все, конечно, были расстроены, но чем могли они помочь человеку, который был вне закона. Василий долго сидел перед окном в нашей комнате. Смотрел вдоль улицы в сторону Пяти углов. На глаза его временами наворачивались слезы. Ласково глядел маленький старинный шкаф своего отца. Ничего не рассказывал и не расспрашивал об отце. Да мы ничего и не знали, кроме того, что были уверены — в живых поэта давно нет.

Утром Василий ушел. А когда соседка отправилась в магазин, вся квартира услышала ее жуткий нечеловеческий крик. Выскочили

на лестницу — между третьим и вторым этажами на стояке парового отопления висел Василий. Хоронили его всей квартирой под чужим именем. И никто никогда никому не сказал, кем был этот человек на самом деле.

Совсем недавно я нашла в Интернете историю о том, кем был поэт Василий Князев (отец) и как он погиб. Источник — материалы автора-составителя Захара Дичарова, изданные в 1994 году.

Князев (Седых) Василий Васильевич, 1887 года рождения, уроженец г. Тюмени, русский, образование среднее, беспартийный, женат, писатель, гражданин СССР, проживал: Ленинград, ул. Рубинштейна, д. 15/17, кв. 301. Арестован 19 марта 1937 года по обвинению в проведении контрреволюционной агитации, ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР. Осужден 14 июня 1937 г. Спецколлегией при Леноблсуде к пяти годам лишения свободы.

Реабилитирован заключением помощника главного прокурора РФ 30 июня 1992 года.

Краткие сухие официальные слова, в которых уместились жизнь, судьба, смерть человека незаурядного и незаслуженно забытого. Имя и творчество Князева — в том же скорбном списке наших утрат, где значатся имена таких выдающихся поэтов, как Осип Мандельштам и Николай Клюев, Михаил Герасимов и Владимир Кириллов, Лев Квитко, Тициан Табидзе и многие другие.

Василий Князев... В дни революции и гражданской войны, в 20-е годы это имя гремело во всей Республике Советов. Песни и марши Князева звучали в рабочих клубах и красноармейских казармах. Он был одним из самых признанных и почитаемых поэтов молодой революционной России. Сотни его боевых агиток, сатирических стихотворений, политических памфлетов и фельетонов печатались в «Красной газете», «Петроградской правде», «Северной коммуне», в питерских журналах. Поэт-трибун, он читал свои боевые стихи на массовых митингах перед красногвардейскими частями.

Сам выезжал на фронт. «Наш красный Беранже», «Красный звонарь революции» — звали его в народе.

Лучшие сборники стихов В. Князева: «Красные звоны и песни» (1918 г.), «Песни красного звонаря» (1919 г.), «О чем пел колокол» (1920 г.) — это была поэтическая летопись Октября, классика советской революционной поэзии. При всех противоречиях и ошибках яркая пафосно-героическая поэзия В. В. Князева была и остается

интересной страницей в истории нашей молодой литературы.

Его имя исчезло из жизни и из литературы в середине 30-х годов. На 20 лет он был предан забвению.

Что же произошло?

1 декабря 1934 г. был злодейски убит С. М. Киров. Это была расчетливо задуманная провокация, послужившая сигналом к разнузданному террору. На Ленинград обрушились массовые репрессии: сотни тысяч людей были высланы из города, отданы под суд «двоек» и «троек». В этом потоке народного горя затерялся след Василия Князева.

Его «взяли» на квартире по ул. Рубинштейна. Что было дальше, никто не знал. Ни соседи, ни родственники. В 1937 г. безжалостный конвейер уничтожения «врагов народа» начинал лишь набирать обороты. И смерть Князева была убийством, злодейски спланированным и дьявольски осуществленным.

Поздней ночью к Князевым вломилась группа людей в кожанках с маузерами. В комнате устроили погром. Выпотрошили маленький книжный шкаф. Что они искали у поэта? Через пару часов комната была пуста, семья бесследно исчезла. Даже младшая сестра Василия Князева (она жила в Тюмени, умерла в конце 60-х годов) об участии брата, его жены и сына не знала ничего. Краткая литературная энциклопедия и биографический указатель «Писатели Ленинграда» не дают точных данных об обстоятельствах, дате и месте похорон поэта. Лишь в 1989 г. было рассекречено дело В. Князева, появились сведения о страшной участи замученного поэта. 5 лет каторги с последующим поражением в правах сроком на 3 года. У него было большое сердце. Вины своей он не признал. Будучи в пересыльной тюрьме, он писал: «Я не контрреволюционер, никогда им не был и не буду, т. к. органически не способен идти против власти рабочих». Так он писал уполномоченному НКВД.

Почему так скоро и жестоко расправились с поэтом? Он сам сообщил, что перед арестом работал над романом о смерти С. М. Кирова, убийство которое было совершено, очень вероятно, не без согласия Сталина.

Заключенный Князев был отправлен в товарном вагоне через всю страну во Владивосток и дальше — в тюрьму парохода — в Магадан. В сопроводительном документе говорилось, что «троцкисту» Князеву, несмотря на его болезнь, поблажек не оказывать, исключить возможность побега. При случае — добить». Сталин и его окружение не хотели, чтобы репрессированные возвращались, они должны были исчезнуть. Дальше Князева погнали по этапу вглубь Колымы, в отдаленный лагерный пункт Мальдяк, за 700 км севернее Магадана. В октябре — ноябре там лютуют морозы и метели. Изможденный, голодный, простуженный Князев не выдержал этапных пыток. Полуживой был оставлен в посёлке Атка 4.XI.37 г., а 10.XI.37 г. — скончался. Там, в стылой колымской земле, он был погребен. Неизвестно, где его могила, нет на ней креста. Видимо, была это братская могила таких же жертв сталинских репрессий. Ему было только 50 лет.

По неполным данным комиссии по литературному наследию, в СССР было репрессировано 2000 членов Союза писателей СССР. 1000 — погибли на фронте. Полна трагизма судьба Князева-поэта. Но он остается героем своего времени. Он был верен Родине, народу, светлым идеям революции.

21 августа 1941 года, когда над Питером нависла смертельная угроза блокады, в «Ленинградской правде» было опубликовано стихотворение Вс. Азарова «Мы не будем фашизма рабами». И в нём чуть измененные звучат строки, написанные запрещенным тогда поэтом Князевым: «Нас не сломит орда, не согнет нас беда, рок капризный не властен над нами. Никогда, никогда, никогда мы не будем фашизма рабами».

История репрессированного, замученного поэта Василия Князева стала мне известна совсем недавно. А книжный шкаф 65 лет живет в нашей семье. Он — свидетель трагедии. Молчит, но, кажется, хранит в памяти события давних лет. А я боюсь, что он заговорит когда-нибудь. Мне страшно и горько за свою страну, за миллионы безвинно погибших людей. И я верю — вещи, оставшиеся от них, не позволят нам забыть об ужасах целой эпохи, о её жертвах. И верю, такое не может повториться.

Татьяна ЗАХАРОВА

Памятник репрессированным в Левашовской пустоши